

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

УДК 821.161.1.09-32+821.111(73).09-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)6+83.3(7Сое)
DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-235-249

Н. Б. Мечковская,
А. П. Мерчи
Минск, Беларусь

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ОБЩЕНИЕ
В РУССКИХ И АМЕРИКАНСКИХ
РАССКАЗАХ, РАЗДЕЛЕННЫХ XX ВЕК:
ЧТО ОПРЕДЕЛЯЕТ КОЛИЧЕСТВЕННОЕ
СООТНОШЕНИЕ НАРРАЦИИ
И КОММУНИКАЦИИ, А ТАКЖЕ ПРЯМОЙ
И СВЕРНУТОЙ РЕЧИ?

В статье исследованы пропорции нарративного и коммуникативного компонентов в русских и американских реалистических рассказах, написанных на рубеже XIX–XX вв. и XX–XXI вв., а также соотношение (в этих произведениях) двух текстовых категорий в составе коммуникативного компонента – прямой и свернутой речи. Показано, что три основных фактора различий (принадлежность к одной из двух национальных литературных традиций; диахронические различия; грамматическое лицо повествования – 1-е или 3-е) влияют с разной силой на разные текстовые категории, в которых реализуется межличностное общение: с одной стороны, на соотношение наррации и коммуникации, с другой – на пропорции прямой и свернутой речи. Во влиянии диахронии и национально-культурного фактора отмечено типологическое сходство в векторах развития, между тем влияние грамматической формы наррации становится всё менее предсказуемым.

Ключевые слова: нарративный компонент текста, коммуникативный компонент текста, оппозиция прямой и свернутой речи, статистическая оценка релевантности количественных различий в структуре текста, диегетическое и недиегетическое перволичное повествование.

Сведения об авторах: Мечковская Нина Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания.

Место работы: Белорусский государственный университет, Минск.

E-mail: nina.mechkovskaya@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2726-0083

Мерчи Александра Павловна, аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания.

Место работы: Белорусский государственный университет, Минск.

E-mail: merchi.alexandra@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8919-5809

Nina B. Mechkovskaya,
Aleksandra P. Merchy
Minsk, Belarus

INTERPERSONAL COMMUNICATION
IN RUSSIAN AND AMERICAN STORIES,
SEPARATED BY THE XX CENTURY:
WHAT DETERMINES QUANTITATIVE
RATIOS OF NARRATION
TO COMMUNICATION AND DIRECT
TO COMPRESSED SPEECH?

The article examines ratios of narrative and communicative components in Russian and American realistic stories at the turn of XIX–XX and XX–XXI centuries, and also the ratios (in these very texts) between two categories of the communicative structure of the text – direct and compressed speech. It is shown that three main factors of differences (belonging to one of two national literary traditions; diachronic distinctions; the grammatical person of the narration – the 1st or 3rd) influence with a different force on different text categories in which interpersonal communication is implemented: on the one hand, on a ratio of a narration and communication, on the other, – on a ratio of a direct and compressed speech. Typological similarity in vectors of development in the influence of diachrony and the national-cultural factor is noted, however the influence of the grammatical form of narration becomes less predictable.

Key words: narrative component of a text, communicative component of a text, opposition between direct and compressed speech, statistical estimation of the relevance of quantitative differences in text structure, diegetic and non-diegetic first-person narrative.

About the authors: Mechkovskaya Nina Borisovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Slavonic Linguistics.

Place of employment: Belarusian State University, Minsk.

E-mail: nina.mechkovskaya@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2726-0083

Merchy Aleksandra Pavlovna, Postgraduate Student of the Department of Theoretical and Slavonic Linguistics.

Place of employment: Belarusian State University, Minsk.

E-mail: merchi.alexandra@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8919-5809

Постановка проблемы

В исследованиях художественной прозы внимание к языку героев традиционно сосредоточено на стилистическом (или прагматическом) и преимущественно лексико-фразеологическом своеобразии их речей. Между тем для понимания жанровых особенностей прозаического произведения приоритетное значение имеет взаимоотношение в его тексте нарративного и коммуникативного компонентов, а также противопоставление прямой речи героев и пересказанного повествователем содержания их коммуникации. Структура коммуникативного компонента произведения определяется его хронотопом (пространственно-временными координатами повествуемых событий), характером конфликта и составом персонажей, особенностью сюжета, но при этом мало зависит от композиции произведения.

1. Текстовые категории рассказа, значимые для представления коммуникации

В русле всеобщего интереса к коммуникации во всех возможных аспектах естественно задаться вопросом также и о том, как общение людей отражалось и отражается в искусствах, использующих язык, начиная от театра и словесности до кинематографа и перформансов, реальных и мультимедийных. Если в аспекте коммуникации рассматривать художественную прозу и, в частности, такой ее средний по объему жанр, как рассказ (объединяя рассказ и новеллу), то в языковой ткани рассказов центральной оппозицией оказывается противопоставление компонентов нарративного и коммуникативного. Наррация связана с волевым началом автора-демиурга: он по своему миропониманию конструирует картину мира и предъявляет ее читателю, как бы говоря: «Смотри, и увидишь, что я прав». Герои произведения, их речи и судьбы – это то, что более всего интересно читателю. Межличностная коммуникация героев придает убедительность создаваемой картине; внезапная новость (приносимая кем-то из персонажей) издавна служила одним из двигателей действия, однако в XX и XXI вв. сюжетно-триггерная функция новой информации стала более редкой. Это связано с общим уменьшением значимости сюжетных неожиданностей в неприключенческой литературе, всё более сосредоточенной на внутреннем мире героев. Общение героев – это тот художественный конструкт, при создании которого автор менее всего свободен от необходимости

следовать «правде жизни», «логике характеров», правдоподобию речи.

В рассказах (однако не в повестях и романах) противопоставление и взаимодействие наррации и коммуникации выступает как ключевая оппозиция в архитектонике текста. Пропорции нарративного и коммуникативного компонентов существенны для характеристики принципов художественного письма.

1.1. Наррация и коммуникация. Нарративные компоненты в языковой ткани рассказа

Наррация (или повествование) далее будет пониматься достаточно широко: она включает в себя следующие компоненты (текстовые категории): 1) изложение сюжетных перипетий, т.е. рассказ(ы) о событиях (или происшествиях), о поворотах к лучшему или худшему, как рутинных, так и выдающихся или небывалых; 2) описания (портреты, пейзажи, вербальное представление интерьеров и/или их компонентов); описания мебели, вещей, утвари, блюд, напитков; вербальный экфрасис; 3) характеристики героев, их предыстории (по отношению к фабуле рассказа); раскрытие их мыслей, желаний, оценок, в том числе внутренние монологи персонажей «от 1-го лица» («*Что же мне теперь делать?*» – в отчаянии думала *Маша*); 4) рассуждения, лирические отступления повествователя и такая смешанная, «авторско-персонажная» форма речи, как «свободный косвенный дискурс»¹.

В современной нарратологии генезис, функции и структура нарратива исследуются на материале разных родов и жанров художественной литературы, но также и за ее пределами – в исторической, биографической, мемуарной литературе, в публичных выступлениях юристов, журналистов, политиков. В силу широты категорий нарратологии, ее термины понимаются и систематизируются по-разному. Есть работы, в которых различаются термины «наррация» и «нарратив», «наррация» и «рассказывание», «нарратив» и «повествование» [1: 13–27; 1: 153–178; 3; 4: 5–9; 4: 19–25]. Есть работы, в которых дробятся сами исходные понятия: в «нарративе» выделяют такие аспекты повествования, как отнесенность текста к повествуемым событиям ('референция'), коммуникация ('сообщение о событиях' и 'сообщение о референции, сосредоточенное на мотивах отбора событий'). Исследователи по-разному выстраивают иерархию повествовательных инстанций: центр (или доминанту) повествования чаще всего видят в нарраторе,

¹По данным В. Шмида, понятие восходит к работам о «style indirect libre» Ш. Балли 1912 г. [1: 223]; см. также гл. 7 «Несобственная прямая речь и свободный косвенный дискурс» в книге Е.В. Падучевой 1996 г. [2].

иногда – в смене повествуемых событий, реже – в описаниях (ср. заглавие диссертации, в 2010 г. защищенной в РГГУ: «Описание как доминанта повествовательной структуры» [5].

Исследование наррации в нонфикшн-текстах, где наррация не является доминирующей и детерминирующей инстанцией произведения, а, напротив, выступает как компонент зависимый и подчиненный иным (нежели в рассказе) целям, позволило увидеть когнитивный генезис наррации, а также то, какие стимулы могут определять отбор фактов (включенных в повествование), как скажется подчиненность отбора фактов целям воздействия на адресата и условиям коммуникации².

В эпической прозе, в отличие от драмы, наррация доминирует над коммуникацией героев; в редких случаях это доминирование не проявляется количественно (в преваляровании текстовых объемов наррации над совокупным объемом коммуникации), но в любом случае, при всей смысловой ценности речи героев-протагонистов, именно в наррации выражены авторские характеристики, идеи и оценки представленных картин жизни, людей и конфликтов. Наррация выступает как тот содержательный и детерминирующий событийно-информационный контекст, в который включено общение персонажей, представленное с разной полнотой. Какой бы колоритной и афористичной, мудрой и острой ни была речь героев, ее создает и по своему разумению включает в свой рассказ повествователь. Количественное соотношение в языковой ткани произведения объемов наррации и коммуникации значимо для характеристики как отдельных произведений художественной прозы, так и повествовательных традиций.

1.2. Коммуникация персонажей: оппозиция прямой и свернутой речи

В эпической прозе и в том числе в рассказах коммуникация предстает двояко: 1) как прямая речь героев, 2) как авторский пересказ речи героев (одной или нескольких реплик героя, или разговора персонажей, или многих разговоров)³. Такой пересказ почти никогда не является тем, что в грамматиках называется «косвенной речью», поскольку только на уроках грамматики можно наблюдать прямую речь и сопоставить её с её же преобразо-

ванием в косвенную. Для читателя рассказа такая возможность исключена. Пример: фраза из рассказа Вяч. Пьецуха «Он никогда не сидел в тюрьме...»: *В четверг Арнольд позвонил Коромыслову на работу и сообщил, будто бы бандиты велели им немедленно явиться на «малину» для объяснений* [Пьец II-Зл: 173]. Фраза сжато передает суть двух разговоров: приказание бандитов и сообщение об этом приказании одного персонажа другому. Читатель по опыту общения понимает, что каждое из сообщений «на самом деле» не могло свестись к одному высказыванию; происходил некоторый обмен репликами. Однако у читателя нет данных, чтобы точно представить, что и как «реально» говорилось в каждой ситуации. Вместе с тем нарратор передал суть обоих разговоров, и читателю этого достаточно, и никто (кроме «всеведущего автора», если бы ему это понадобилось) не может сказать, какие именно реплики персонажей предстали в рассказе в форме «свернутой речи». Поэтому всякая косвенная передача общения героев является именно свернутой речью, более или менее сжатой, но не «косвенной речью» в учебно-грамматическом смысле, сохраняющей лексику виртуальной прямой речи.

М. М. Бахтин, говоря о присущей «новым языкам» «тенденции переводить чужое высказывание из сферы речевой конструкции в тематический план, в содержание», вместе с тем подчеркивал смысловую и стилистическую устойчивость чужой речи: «Однако и здесь это растворение чужого слова в авторском контексте не совершается и не может совершиться до конца: и здесь, помимо смысловых указаний, сохраняется конструктивная упругость чужого высказывания, прощупывается тело чужой речи, как себедовлеющего целого» [7: 114].

1.3. Прямая и свернутая речь в аспекте оппозиции «изображение VS комментирование»

В художественной прозе у прямой и свернутой речи функции существенно различны. Прямая речь, «цитируя» героев, «живописует» общение, представляя сказанное героем как бы документально, как в драме и на сцене. Поэтому прямая речь усиливает изображительность, «картинность» и воображаемую «документальность» рассказа. Имитируя сцены общения героев, прямая речь способствует

²Ср., например, исследование нарративных компонентов в 14 обвинительных речах А. Ф. Кони в суде присяжных [6].

³Ср. у Куприна: *Девочек постоянно навещали подруги всевозможных возрастов, начиная от Катиных сверстниц, приводивших с собою в гости своих кукол, и кончая приятельницами Лидии, которые говорили о Марксе и об аграрной системе и вместе с Лидией стремились на Высшие женские курсы* [Купр II-Зл: 462]. Выдержки из исследованных рассказов сопровождаются сокращенными ссылками на источники, которые раскрыты в конце статьи под рубрикой «Материал исследования»; характеристика рассмотренного корпуса произведений представлена в п. 3.1.

индивидуализации персонажа, а также тем позитивным читательским впечатлениям, которые обычно связаны с «достоверностью». Накал страстей, драматизм конфликта – всё это способна передать именно прямая речь, а не её более или менее свернутые пересказы.

Свернутая речь представляет собой, по сути, часть нарратива (ведь говорит повествователь), но только это нарратив с особым содержанием: рассказывается не о событиях-происшествиях, но о том, «кто что сказал» и «что услышал в ответ». Степени свернутости виртуальной прямой речи крайне разнообразны. В одних случаях она свернута максимально: *Charley walked aft and spoke to him [to Taft. – H. M., A. M.] [Lond V-1л: 1115]* ‘Чарли пошел на корму и заговорил с ним [с Тафтом]’: здесь рассказчику важно только указать на факт контакта, значимого для сюжета, поскольку читатель, уже зная суть конфликта, отчасти догадывается, что обсуждают патрульный Чарли и владелец устричных отмелей мистер Тафт. Иначе в рассказе В. Токаревой: фраза «от автора» *Мы с Ханной пили кофе и беседовали [Ток II-1л: 81]*, несмотря на предшествующий контекст, не указывает на предмет разговора: беседовали обо всем.

В других случаях свернутая речь ощутимо ближе к передаваемой рассказчиком реплике, однако читателю остается неясным, с какой полнотой свернутая речь передает виртуально «звучавшую» прямую речь – и лексически, и по объему: *Он [актер Славин-Славинский. – H. M., A. M.] сознался, что увлекся, что ему не следовало бы всего этого говорить и что в конце концов он согласен давать уроки [Купр I-1л: 434]*. Нередко свернутая речь репрезентирует не столько конкретную реплику или разговор, сколько характеризует обычное, повторяющееся в некоторых ситуациях коммуникативное поведение персонажа: *She [Eliot's mother. – H. M., A. M.] refused a biscuit each time Mrs. Sen extended the plate in her direction, and asked a long series of questions, the answers to which she recorded on a steno pad [Lah II-3л: 113]* ‘Она [мать Элиота] всякий раз отказывалась от печенья, когда миссис Сен протягивала ей тарелку, и задавала длинные серии вопросов, ответы на которые записывала в блокнот для стенографии’.

Свернутая речь, ускоряя наррацию, усиливает повествовательское (авторское) и интерпретирующее начало. Заменяя прямую речь свернутой, нарратор вмешивается в естественный ход общения: он просеивает содержание разговора, обобщает и/или сжимает информацию, эксплицирует иллюзию речей (*возражал, посоветовал, уговаривал, жаловался* и т.д.), жертвуя или пренебрегая подробностями, которые ему кажутся «лишними». Однако,

по ощущениям части читателей, как раз подробности сделали бы «вот эту сцену» более убедительной. Свернутая речь обедняет картину межличностного общения, но зато рассказ может выиграть в стремительности сюжета или в возможности сосредоточиться на более важном разговоре, представив его в «цитатной» форме прямой речи.

В аспекте противопоставления «изображение VS интерпретация» прямая речь представляет собой важный, возможно, даже самый значительный изобразительный компонент художественного текста, в то время как свернутая речь резюмирована повествователем; она модифицирует по усмотрению нарратора виртуальное (предполагаемое) общение героев и поэтому является интерпретирующим представлением коммуникации. Количественное соотношение объемов прямой и свернутой речи существенно для характеристики принципов художественного письма.

2. Гипотеза о факторах, определяющих пропорции текстовых категорий, значимых для представления коммуникации

Состав факторов и их иерархия (в зависимости от силы влияния на текстовую архитектуру рассказов) представляются следующими: 2.0. индивидуально-авторское начало в его разных проявлениях при создании конкретных произведений; 2.1. принадлежность к той или иной национальной литературной традиции; 2.2. время создания произведения; 2.3. выбор автором грамматической формы повествования: от 1-го лица или от 3-го лица.

Фактор, который назван первым, но без «номера» и поэтому как бы вынесен из общего списка «за скобки», – индивидуально-авторское начало – исключительно значим. Индивидуальное своеобразие художественной манеры автора может проявляться в разных аспектах, включая и то, как в его произведениях представлено общение людей. Но авторское своеобразие – это, в конечном счете, синтетическая черта: в ней сливаются все факторы, значимые для представления коммуникации: национальные традиции и запросы и вкусы современников; свободный выбор автором грамматического лица повествования и нарративная логика, диктуемая степенью вовлеченности перволичного нарратора в события повествуемой истории; природа повествуемого конфликта и ансамбль персонажей, переживающих конфликт «на глазах» читателя; наконец, всегда индивидуальный хронотоп произведения. В итоге разнообразие проявлений авторского начала неисчислимо и непредсказуемо. Этому учит история мировой литературы. Вот один факт: в 1999 г. в журна-

ле «Знамя» (№ 1) Фазиль Искандер напечатал два рассказа – «Антип уехал в Казантип» и «Люди и гусеницы» – почти одинакового объема (примерно по 0,12 п.л.). Первый текст состоит только из реплик двух персонажей, которые даже не названы⁴. Второй рассказ – это небольшой нарратив с единственной репликой подруги героя: *Меня с ума сводит мысль, – сказала она, – что тебя вдруг убьют на войне, а от тебя на этом свете ничего, ничего не останется.*

Следующие два фактора (принадлежность к определенному времени и национальной литературе) – это своего рода константы, они не зависят от выбора автора; предполагается, что они действуют всегда, хотя и с разной силой и в разных направлениях.

Что касается грамматического лица повествования – «от 1-го лица» или от «3-го», – то, на первый (теоретический) взгляд, этот фактор наиболее прямо и разнообразно связан с характером представления в прозе коммуникации героев. Исторически перволичное повествование (далее 1лф) предшествовало третьеличному (Злф), аналогично тому, как мифопоэтический синкретизм предшествовал аналитизму наррации, лирическая поэзия – эпической, а поэзия – прозе. Наррация требует, по формуле О. М. Фрейденберг, «умения воспроизводить длительность во времени и перспективу в пространстве» [8: 224]. Объективное и логически упорядоченное мировосприятие, с осознанием темпоральных, причинно-следственных, целевых и иных связей, формировалось постепенно: «Греческая литература наполнена личными рассказами и прямой речью. [...] Напротив, косвенная речь [т.е. Злф-повествование. – Н. М., А. М.] занимает большое место у римских писателей, особенно у историков, где она явно служит понятийной заменой былых прямых речей» [8: 213].

Важнейшая черта 1лф-повествования состоит, по определению К. Н. Атаровой и Г. А. Лескиса, «в наличии персонифицированного повествователя, находящегося в том же повествовательном мире, что и другие персонажи» [9: 345]. С этим связана «презюмция автобиографизма» 1лф-нарраций: хотя со времен Аристотеля художественное произведение трактуется принципиально как вымысел («фикциональный текст», в терминах В. Шмида), однако 1лф-нарратор как бы убеждает в

подлинности рассказа: «я сам это видел», «это было со мной» [9: 346]. При полной свободе 1лф-нарратора в рассказе о себе, о своем внутреннем мире, он ограничен в возможности наблюдать события и слышать разговоры, происходящие в его отсутствие.

В Злф-повествовании, которое в своих истоках противостояло субъективизму и лиризму 1лф-рассказов, нарратор «не видим» ни читателю, ни персонажам. Он демиург повествуемого мира и как Господь Бог «вездесущ» и «всеведущ»; после XVIII вв. он всё чаще практикует также и «интроспекцию в сознание героев» [1: 69–80]. Таким образом, Злф-наррация дает автору максимум свободы: он волен показать, как на сцене, и живое общение героев (их прямую речь), и представить содержание любых их разговоров с той беглостью или полнотой, которую сочтет нужной.

Однако в современной прозе грамматические показатели лица нарратора могут отсутствовать, или быть едва заметными, или сменять друг друга с переходом к очередной главе или эпизоду (как в «Ожоге» Вас. Аксенова (1975)), или даже уживаться в одном предложении⁵. В «Нарратологии» В. Шмида оппозиция грамматических форм повествования оказывается менее значимой, чем различие в 1лф-нарративе рассказчика диегетического (вовлеченного в повествуемые события) и недиегетического. Однако при ближайшем рассмотрении оппозиция диегетического и недиегетического перволичного нарратора предстает как континуум, в котором исследователи (Ж. Женетт, С. Лансер, В. Шмид) в 1970–1980 гг. стали различать до шести степеней причастности нарратора повествуемым событиям [1: 90–95].

3. Количественное соотношение объемов наррации, свернутой коммуникации и прямой речи в русских и американских рассказах на рубежах XIX–XX и XX–XXI вв. (опыт измерения и интерпретации)

3.1. Материал исследования: 24 реалистических рассказа, немаркированных в жанровом отношении

Рассмотренные произведения принадлежат реалистической литературе своего времени и при этом не относятся к таким маркированным жанрам рассказа, как исторический, детективный, комический, приключенческий

⁴Ср. типологически близкий текст, состоящий из реплик основного героя и окружающих: А. Чехов. Жизнь в вопросах и восклицаниях (1882).

⁵Шмид приводит пример подобной нейтрализации 1лф и Злф (в рассказе Вл. Набокова «Тяжелый дым» (1934)): «Выходя из столовой, он еще заметил, как отец всем корпусом повернулся на стуле к стенным часам с таким видом, будто они сказали что-то, а потом начал поворачиваться обратно, но тут дверь закрылась, я не досмотрел» [1: 85].

научно-фантастический, мистический, парapsихологический. Были исследованы «обычные» «типичные» рассказы, соответствующие общему уровню (тону, стилю) художественной прозы своего времени. Поэтому не рассматривались рассказы классиков (Л. Толстой, Бунин, Чехов, Горький): по сути, их новаторское письмо, превосходя традицию и тем разрушая ее, оказывается далеко не «типичным». По аналогичным основаниям не рассматривалась проза литературного авангарда.

Следует признать, что отбор рассказов рубежа XX–XXI вв. по признаку «обычный», «типичный», «реалистический», «жанрово не маркированный» удается с трудом и с оговорками, потому что за столетие литературное письмо стало богаче, сложнее, разнообразней. Жанры взаимодействуют и влияют друг на друга. Развились и стали «обычными» произведения гибридных жанров (например, реалистический рассказ, переходящий в шарж, или в фантастику, или в детектив-фельетон); то и дело в повествовании возникают ситуации, способные вызывать у читателя смех или смешок, или, слегка рассмешив вначале, привести читателя к констатации абсурда в конце. Так, в рассказе Вяч. Пьецуха «Дачники» реалистическая (вначале) зарисовка неприятельного летнего отдыха небогатых москвичей в отдаленной деревне переходит в горькую карикатуру на жизнь, заполненную квазиученым суесловием.

Состав исследованных текстов можно считать вполне случайным, и только два условия отбора ограничивали случайность: 1) число русских и американских рассказов, а также число рассказов «ранних» (рубежа XIX–XX вв. и «поздних» (рубежа XX–XXI вв.) одинаково: по 12 произведений⁶; 2) число 1 лф- и 3 лф-рассказов, количественно сопоставляемых, также было одинаково: по 11 произведений.

Объемы рассмотренных текстов (последний правый столбец) измерялись в знаках по компьютерному счетчику, знаки переводились в печатные листы (1 п.л. = 40 тыс. знаков). Сказанное детализировано в табл. 1.

Таблица 1

Объемы разных групп рассмотренных рассказов
Volumes of different groups of reviewed stories

Группы рассказов	Количество рассказов	Объем, п.л.
Всех рассказов	24	18,22.
1.1. Русские	12	9,18
1.2. Американские	12	9,04
2.1. Ранние	12	8,11
2.2. Поздние	12	10,11
3.1. Рассказы 1 лф	11	9,46
3.2. Рассказы 3 лф	13	8,76

⁶Далее определения *ранние/поздние* употребляются без кавычек.

Список исследованных рассказов (по алфавиту их сокращенных обозначений) представлен в конце статьи под рубрикой «Материал исследования».

3.2. Методика ранжирования рассказов по объему компонентов, релевантных для отображения коммуникации

В соответствии с составом текстовых категорий, значимых для исследования межличностного общения (образующих оппозиции «наррация VS коммуникация» (см. 1.1) и «прямая речь VS свернутая речь» (1.2)), определены два параметра, релевантных для количественной оценки тех объемов текстовых фрагментов в ткани рассказа, в которых реализованы названные категории. Во-первых, это фрагменты, в которых представлен коммуникативный компонент рассказа; поскольку суммарный объем наррации и коммуникации составляет 100% текста рассказа, то процент коммуникации релевантен для представления объемов и нарративного и коммуникативного компонентов в целом. Поэтому в таблицах с ранжированными списками рассказов (прил.) приводится процент, соответствующий объему только коммуникативного компонента. Во-вторых, это объем текста, занятый прямой речью в составе коммуникативного компонента; поскольку суммарный объем прямой и свернутой речи составляет 100% объема коммуникации, то данный признак релевантен для представления оппозиции прямой и свернутой речи в целом. Поэтому в таблицах с ранжированными списками рассказов для каждого рассказа приводится процент, соответствующий объему только прямой речи.

Каждая из названных двух оппозиций рассмотрена на материале 6 групп рассказов, противопоставленных по трем бинарным признакам, которые соответствуют предполагаемым факторам, влияющим на количественное соотношение в рассказах объемов коммуникации и прямой речи: а) сопоставлены 12 русских (на русском языке) и 12 американских рассказов (на английском); б) 12 ранних и 12 поздних рассказов; в) 11 рассказов, написанных от 1-го лица (1лф-рассказы) и 11 рассказов от 3-го лица (3лф-рассказы). Рассказы в каждой из шести групп были ранжированы по убыванию в их текстах объема одного из двух названных выше параметров – или объема коммуникативного компонента или объема прямой речи. Ранжированные списки двух групп рассказов, отдельно противопоставленных по каждому из названных выше трех факторов, представлены в шести таблицах:

А) русские и американские рассказы: табл. А-1 и А-2; Б) ранние и поздние рассказы: табл. Б-1 и Б-2; В) 1лф- и 3лф-рассказы: табл. В-1, В-2. Перечисленные таблицы, с включением среднеарифметических показателей в сопоставляемых группах рассказов, а также статистических оценок релевантности количественных различий между рассказами одного ранга, представлены в приложении к статье.

3.3. Определение статистической релевантности количественных различий между рассказами одного ранга в объемах «одноименных» текстовых категорий

В строках каждой таблицы на их пересечении со столбцами 2–5 представлены рассказы одного ранга – от самого высокого, т.е. с максимальным процентом коммуникативного компонента (в одних таблицах) или прямой речи (в других таблицах) до минимальных значений этих же параметров. Статистическая значимость количественных различий между двумя рассказами одного ранга в объемах «одноименных» текстовых категорий определялась путем вычисления среднего квадратичного отклонения и доверительной вероятности. Среднее квадратичное отклонение (или «стандартное отклонение», «квадратичное среднее») равно корню квадратному из среднего арифметического их квадратов [10: 262; 11: 38–50]. В математической статистике «коэффициентом доверия (надежности), или доверительной вероятностью оценки параметра называют вероятность того, что разность между выборочным и генеральным значениями этого параметра не превысит некоторую заранее заданную критическую величину. В лингвистике коэффициент доверия обычно принимается равным 0,95. Уровнем значимости называют дополнение коэффициента надежности до единицы. Таким образом, наиболее часто употребляемое значение уровня значимости в лингвистике равно 0,05. Коэффициент доверия и уровень значимости часто выражают в процентах» [11: 15]. В аспекте данного исследования это означает, что если относительные объемы текстовых категорий («коммуникация», «прямая речь») в паре рассказов одного ранга различаются между собой на 5 и более процентов, то такие различия являются статистически значимыми, если менее 5 процентов, то это различия незначимые (хотя они и не утрачивают своей эмпирической достоверности). Результаты проведенных вычислений показаны в прил. в табл. А-1, А-2; Б-1, Б-2; В-1, В-2 в столбцах 6 (статистическая значимость различий) и 7 (ранги сопоставляе-

мых рассказов по уменьшению релевантности различий).

3.4. Типологическое сходство в векторах влияния диахронии и национально-культурного фактора и разнонаправленность влияния грамматического лица нарратора

Три исследованных фактора влияния (принадлежность к одной из двух национальных литературных традиций; диахронические различия; грамматическое лицо повествования – 1лф или 3лф) образуют разные иерархии, поскольку влияют с разной силой на две ключевые текстовые оппозиции (релевантные для картины межличностной коммуникации в рассказах): на соотношение наррации и коммуникации и на пропорции прямой и свернутой речи.

3.4.1. Наиболее сильные различия наблюдаются между русскими и американскими рассказами в относительном объеме прямой речи (см. табл. А-2). В русских рассказах удельный вес прямой речи на 12,1% больше, чем в американских. В 10 (из 12) пар русских и американских одноранговых рассказов различия в объемах прямой речи превышают «коэффициент доверительной вероятности» (равный 5%), т.е. являются статистически значимыми. Данное различие выступает как одно из проявлений большей изобразительности, картинности рассмотренных русских рассказов, между тем как в американских рассказах сильнее сказалось нарраторское комментирующее начало.

3.4.2. Вторым по силе фактором, влияющим на соотношение объемов текстовых коммуникативных категорий, а именно на объемы прямой речи, является фактор грамматического лица нарратора (см. табл. В-2). В 3лф-рассказах объем прямой речи на 8,9% больше, чем в 1лф-рассказах. В оппозиции 1лф- и 3лф-рассказов, в парах одноранговых рассказов, различия в объемах прямой речи превышают 5-процентный доверительный порог в подавляющем большинстве пар (в 9 из 11 пар). Однако фактор грамматического лица нарратора, в отличие от фактора принадлежности к одной из двух национальных литератур, действует с разной силой: в двух одноранговых парах – 1) Уортон (Whart I-1л) VS Токарева (III-3л); 2) Токарева (II-1л) VS Лахири (Lah II-3л) – значимость различий составляет соответственно 14,21 и 10,6%, что в разы превышает 5-процентный порог статистической релеванности, однако в паре, которую составили два рассказа Вересаева (I-1л) и (II-3л), различие едва превышает нулевую отметку. В целом влияние грамматического лица нарратора на

процент прямой речи предстает как сильное, но при этом разновекторное. Это хорошо видно по списку из 24 рассказов, ранжированному по уменьшению процента прямой речи ко всему тексту «своего» рассказа (а не к коммуникативному компоненту): в этом списке высокие места (3-е, 5-е, 8-е, 10-е) занимают 1лф-рассказы: и наоборот: 24-е место занимает не 1лф- (как ожидалось бы с учетом основного тренда в оппозиции 1лф- и 3лф-рассказов), но 3лф-рассказ Токаревой «Короткие гудки»; низкий процент прямой речи (19-е и 20-е места) отмечен также в 3лф-рассказах Пьецуха (II-3л) и Уортон (Whart II-3). По-видимому, дело не в самом по себе грамматическом лице нарратора, но в каких-то более сложных связях формы наррации со способами показа событий и характеров.

3.4.3. Влияние диахронии на пропорции объемов текстовых коммуникативных категорий выступает как первый по значимости фактор, влияющий в рассмотренных рассказах на соотношение коммуникации и наррации (см. табл. Б-1). Правда, это влияние, хотя и первое, но не сильное: за столетие, разделяющее два исследуемых подкорпуса рассказов, удельный вес коммуникативного компонента снизился с 29,4 до 24,7%, но при этом только в 4 парах одноранговых рассказов количественное различие является статистически значимым (превышая 5-процентный доверительный порог). Впрочем, в паре рассказов с максимально высоким процентом коммуникативного компонента (Вересаева (II-3л) VS Пьецуха (IV-3л)) коэффициент надежности превышает доверительный порог более чем в три раза. В ранних рассказах наблюдается более широкий (чем век спустя) диапазон различий по удельному весу коммуникативного компонента. В целом диахроническая тенденция к уменьшению в тексте рассказов объема коммуникации означает возрастание наррации, т.е. авторского (интерпретативного) начала в ущерб изобразительному.

3.4.4. В рассмотренном корпусе рассказов грамматическое лицо повествователя выступает как второй по значимости фактор, определяющий соотношение в тексте объемов коммуникации и наррации (см. табл. В-1): в 3лф-рассказах средний процент объема коммуникации (28,2) выше, чем в 1лф-рассказах (25,6). У 3лф-нарратора шире жанровые возможности «видеть» общение своих героев или «знать» содержание их разговоров и сообщать «нужное» (с точки зрения нарратора) читателю. Однако статистически релевантные различия между одноранговыми 1лф- и 3лф-рассказами отмечены только в 2 из 11 пар. Для исследованных 3лф-рассказов характерен большой диапазон различий по проценту ком-

муникации (от 70,5 до 9,7) по сравнению с 1лф-рассказами (от 44,3 до 9,2%).

3.4.5. Третий по значимости фактор, определяющий в рассказах соотношение в коммуникации и наррации, – это принадлежность рассказа к одной из двух исследуемых литературных традиций (см. табл. А-1): в рассмотренных русских рассказах средний процент коммуникативного компонента 28,6%, в американских – 25,4%, при этом в русских рассказах диапазон количественных различий по объему коммуникации (от 70,5% у Вересаева (II-3л) до 9,2% у Токаревой (I-1л)) шире, чем в американских (от 39,5% у Лондона (I-3л) до его же «Осады “Ланкаширской королевы”» (V-1лф) – 11,1%). Однако статистическая значимость принадлежности рассказа к русской или американской литературе традиций в целом не высока: из 12 пар одноранговых рассказов только в 2 парах различия превысили 5-процентный порог релевантности, при этом, однако, в паре с максимальными объемами коммуникации (Вер II-3л и Лонд I-3л) показатель различий (21,84) превысил статистически значимый порог более чем в 4 раза.

3.4.6. Наименее значимо влияние на объемы прямой речи – это время написания рассказа (см. табл. Б-2): в ранних рассказах средний объем прямой речи составляет 81%, в поздних – 79,5%. Ни в одной паре ранних и поздних рассказов различие между объемами прямой речи не превышает 5-процентный порог статистической релевантности. Тем не менее диахронический вектор в динамике репрезентации общения – уменьшение удельного веса прямой речи – представляется неслучайным: характерно, что данный вектор коррелирует с существенно меньшим (статистически значимым) объемом прямой речи в рассмотренных американских рассказах (75,7%) по сравнению с русскими рассказами (84,9%), которые в целом более тесно (чем американские) связаны со своей национальной литературной традицией.

3.4.7. Таким образом, исследованные три фактора, значимые для пропорций наррации и коммуникации, а также прямой и свернутой речи, образуют разные иерархии, т.е. влияют на объемы названных коммуникативных категорий с разной силой.

Факторы, значимые для соотношения объемов наррации и коммуникации, по силе своего влияния составляют следующую иерархию: 1) фактор времени: более всего коммуникативный компонент сократился в поздних рассказах, по сравнению с ранними; 2) грамматическое лицо повествователя: в 3лф-рассказах объем коммуникации выше, чем в 1лф-рассказах; 3) принадлежность к одной из двух национальной литературной тради-

ции: в русских рассказах относительный объем коммуникативного компонента выше, чем в американских.

Факторы, значимые для соотношения объемов прямой и свернутой речи, по силе своего влияния различаются так: 1) принадлежность к одной из двух национальной литературной традиции: в русских рассказах объем прямой речи выше, чем в американских; 2) грамматическое лицо повествователя: в 3лф-рассказах объем прямой речи больше, чем в 1лф-рассказах; 3) фактор времени: в ранних рассказах относительный объем прямой речи несколько больший, чем в рассказах поздних.

4. О разной устойчивости текстовых категорий, значимых для представления межличностной коммуникации в рассказах

Несмотря на всю важность индивидуально-авторского начала в литературном творчестве, проведенный анализ говорит о наличии в текстовой архитектонике рассказа некоторых поразительно устойчивых пропорций. Так, среднеарифметические показатели относительного объема коммуникации и наррации, прямой речи и свернутой речи в исследованных рассказах, представленные в табл. 4, находятся в достаточно определенных количественных границах, а именно: объем коммуникации (к 100% объема рассказа) лежит в интервале между 25 и 30%, следовательно, объем наррации находится между 75 и 70%, превышая объем коммуникации примерно в 2,6 раза. В составе коммуникативного компонента (взято как 100%) на объем прямой речи приходится 76–85%, следовательно, свернутая речь занимает примерно 24–15%, что более чем в 4 раза меньше объема прямой речи.

Оппозиция «наррация–коммуникации» является более устойчивой, чем оппозиция

«прямая–свернутая речь». Это видно по тому, что в трех группах бинарных оппозиций рассказов, противопоставленных по объему коммуникативного компонента в ткани рассказа и сгруппированных в три группы в зависимости от фактора различий (см. табл. А-1, Б-1, В-1), из 35 оппозиций одноранговых рассказов только в 8 парах сила различий оказалась статистически значимой (превысила 5-процентный порог). Между тем по трем группам рассказов, противопоставленных по объемам прямой-свернутой речи и аналогичным образом сгруппированных в три группы в зависимости от фактора дифференциации (см. табл. А-2, Б-2, В-2), различия между одноранговыми рассказами оказались статистически значимыми в 19 парах из 35.

5. Casestudy: перволичное повествование как нарративно-стилистический камертон для повествования от 3-го лица

Авторский выбор 1лф- или 3лф-наррации и меры диегетичности 1лф-повествователя предстает в рассмотренных рассказах в двух важных функциях. Во-первых, выбор 1лф- или 3лф-наррации в аспекте межличностной коммуникации оказывает статистически значимое влияние на соотношение объемов текста в обеих ключевых (для данной темы) оппозициях – наррация VS коммуникация; прямая VS свернутая речь (см. п. 3.4.2 и 3.4.4). Во-вторых, выбор грамматического лица нарратора и та или иная степень его диегетичности после того, как этот выбор сделан, становится жанровообразующей данностью произведения, его внутренним художественным законом. Выбор лица повествования и определение его роли в развертывании событий по своим коммуникативным и нарративно-стилистическим последствиям для всех остальных уровней и

⁷Поразительные по силе следствия жанрового контраста особенно зрими, когда писатель создает драму и роман «об одном и том же». Волею судеб такие два «лабораторно» чистых случая представлены в творчестве Мих. Булгакова: первый – роман «Белая гвардия» (1925) и пьеса «Дни Турбиных» (1926); второй – пьеса и роман Булгакова о Мольере: «Кабала святош (Мольер)» (1929) и «Жизнь господина де Мольера» (1933). См. [12].

Таблица 2

Среднеарифметический показатель относительного объема ряда текстовых компонентов в группах рассказов, противопоставленных по факторам влияния
Simple average index of the relative volume of series of text components in groups of short stories, opposed by the influence factors

Текстовые категории, значимые для отображения коммуникации	Группы рассказов, противопоставленных по факторам влияния. Среднеарифметический процент			
	Ранние	29,4	Поздние	24,7
Коммуникативный компонент	Русские	28,6	Американские	25,4
	1 лф-рассказы	25,6	3 лф-рассказы	28,2
	Русские	84,9	Американские	75,7
Прямая речь	Ранние	81	Поздние	79,5
	1 лф-рассказы	76,7	3 лф-рассказы	83,4

компонентов произведения сопоставимым с писательским выбором между драмой и эпической прозой⁷.

Это легко видеть при сопоставлении произведений одного автора, в данном случае Виктории Токаревой, а именно трех ее 1лф-рассказов, однако с нарраторами, которые вовлечены в действие в разной степени. В рассказе «Система собак» рассказчица является также и главной героиней любовной истории. В рассказе «Искусственный пруд» нарратор (по сюжету – писательница) только отчасти продвигает сюжет, сводя главную героиню с опытным гинекологом. В тексте «Брат и сестра» 1лф-нарратор (также писательница) видит героиню в самом начале рассказа и только со стороны, и неясно, откуда автор знает разные важные и интимные подробности из жизни «брата и сестры»; т.е. история собственно «брата и сестры» представлена по законам 3лф-наррации⁸.

Рассказ начинается сценой приема в писательский дачный кооператив посторонней, но «богатенькой» дамы (это она «сестра»), которую собрание кооператива согласно принять, но только за дополнительные и немалые деньги. Острота момента потребовала, чтобы читатель мог сквозь слова «увидеть» сцену. Представление дано в трех формах: речь «от автора», «цитатно» (прямая речь персонажей) и свернутая речь (пересказанная автором речь персонажей). Сцена написана мастерски: короткие точные фразы, с вниманием к психологии человека, с хорошим знанием реалий и легкой насмешкой по отношению к писательскому кооперативу. Читатель (скорее всего, не слишком взыскательный, зато массовый) уже заинтригован историей Зюмы (домашнее

имя героини): ему стало интересно, как эта немолодая женщина, «похожая на африканскую львицу», стала «богатенькой» и что будет дальше. Поверив в житейскую пронизательность рассказчицы, читатель глотает рассказ как наскоро написанную историю – правдивую, но без «лишних» подробностей в фабуле и тем более в описаниях.

После сцены приема в кооператив последующее повествование, почти до самого конца, написано без видимого участия нарратора, т.е. как 3лф-рассказ. Однако сохраняется скороговорка рассказчицы и ее взгляд на мир. Это взгляд женщины вполне «от мира сего»; она всё понимает с полуслова и так же быстро пишет: метко, но пунктирно. Рассказчица в полной мере использует возможности «всеведущего» 3лф-автора: без каких-либо фабульных мотивировок («Откуда она всё это знает?») передает всё, что считает нужным: детские впечатления героев, слова и мотивы поступков давно умерших незнакомых людей, любовные сцены, внутренние монологи и т.п.

В следующий и последний раз 1лф-маркер появляется за 15 коротких предложений до финала: *Зюма предпочитала загородный дом, который она возвела в нашем поселке. И всё же вдруг оживший 1лф-маркер – в нашем поселке, – вновь, как и в первой сцене, укрепляет у читателя ощущение, что всё сказанное – «правда» и «из жизни».* Таким образом, 1-е лицо зачина и финала нужна писателю как нарративный стилистический камертон: непритязательная, но вызывающая доверие скороговорка первых 1лф-страниц сохраняется на протяжении всего рассказа.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

№	Условные обозначения	Автор, название рассказа, год первой публикации. Библиографическое описание цитируемого издания	Объем, в п.л.
1	Вер I-1 л	Вересаев В. В. К спеху [1897] // Вересаев В. В. Соч. : в 4 т. Т. 1. М., 1948. С. 247–251.	0,17
2	Вер II-3 л	Вересаев В. В. Встреча [1902] // Вересаев В. В. Соч. в 4 т. Т. 1. М., 1948. С. 423–436.	0,64
3	Купр I-1 л	Куприн А. И. К славе [1894] // Куприн А. И. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 1. Повести. Рассказы. Очерки. Пьеса. М., 2006. С. 423–452.	1,55
4	Купр II-3 л	Куприн А. И. Тапер [1900] // Куприн А. И. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 3. Повесть. Рассказы. М., 2006. С. 460–472.	0,61
5	Купр III-3 л	Куприн А. И. Болото [1902] // Куприн А. И. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 1. Повести. Рассказы. Очерки. Стихотворения. Эпиграммы. Афоризмы. Романсы. М., 2006. С. 188–204.	0,9
6	Пьец I-1 л	Пьецух В. А. Анамнез и Эпикриз [1989] // Пьецух В. А. Я и прочее. Циклы, рассказы, повести, роман. М., 1990. С. 125–150.	1,31

⁸Рассказ «Брат и сестра», в силу гибридного характера его повествования (соединение 1лф- и 3лф-наррации), не вошел в список количественно исследованных произведений.

Окончание табл.

№	Условные обозначения	Автор, название рассказа, год первой публикации. Библиографическое описание цитируемого издания	Объем (в п.л.)
7	Пьец II-3 л	Пьецух В. А. Он никогда не сидел в тюрьме... [1989] // Пьецух В. А. Искусство существования: эссе, рассказы. М., 2009. С. 169–178.	0,4
8	Пьец III-3 л	Пьецух В. А. Авель и сыновья [2001] // Пьецух В. А. Искусство существования: эссе, рассказы. М., 2009. С. 189–197.	0,41
9	Пьец IV-3 л	Пьецух В. А. Дачники [2001] // Пьецух В. А. Искусство существования: эссе, рассказы. М., 2009. С. 178–189.	0,45
10	Ток I-1 л	Токарева В.С. «Система собак» [1996] // Токарева В. С. Сентиментальное путешествие: Рассказы, повести. М., 1998. С. 7–3.	1,2
11	Ток II-1 л	Токарева В. С. Искусственный пруд [2012] // Токарева В. С. Короткие гудки: рассказы и повесть. СПб., 2015. С. 76–107.	0,82
12	Ток III-3 л	Токарева В. С. Короткие гудки [2012] // Токарева В. С. Короткие гудки: рассказы и повесть. СПб., 2015. С. 49–75.	0,72
13	Lah I-3 л	Lahiri J. Interpreter of maladies [1999] [‘Толкователь болезней’] // Lahiri J. Interpreter of maladies. L., 1999. P. 43–69.	1,14
14	Lah II-3 л	Lahiri J. Mrs. Sen’s [1999] [‘Миссис Сен’] // Lahiri J. Interpreter of maladies. L., 1999. P. 111–135.	1,07
15	Lah III-1 л	Lahiri J. The third and final continent [1999] [‘Третий и последний континент’] // Lahiri J. Interpreter of maladies. L., 1999. P. 173–198.	1,08
16	Lip I-1 л	Lipsyte S. This appointment occurs in the past [2012] [‘Эта встреча происходит в прошлом’] // Lipsyte S. New American stories. N.Y., 2015. P. 256–275.	0,74
17	Lip II-3 л	Lipsyte S. The naturals [2014] [‘Обычные люди’] // Lipsyte S. The New Yorker [Electronic resource]. 2015. Mode of access: http://www.newyorker.com/magazine/2014/05/05/the-naturals . Date of access: 06.06.2016.	0,77
18	Lond I-3 л	London J. To the man on trail [1898] [‘За человека в пути’] // London J. The unabridged Jack London. Philadelphia, 1981. P. 65–72.	0,43
19	Lond II-3 л	London J. The priestly prerogative [1899] [‘Привилегия священника’] // London J. The unabridged Jack London. Philadelphia, 1981. P. 73–84.	0,63
20	Lond III-1 л	London J. The king of the Greeks [1902] [‘Король греков’] // London J. The unabridged Jack London. Philadelphia, 1981. P. 1090–1098.	0,51
21	Lond IV-1 л	London J. A raid on the oyster pirates [1902] [‘Набег на устричных пиратов’] // London J. The unabridged Jack London. Philadelphia, 1981. P. 1099–1107.	0,52
22	Lond V-1 л	London J. The siege of the «Lancashire Queen» [1903] [‘Осада «Ланкаширской королевы»’] // London J. The unabridged Jack London. Philadelphia, 1981. P. 1108–1116.	0,54
23	Whart I-1 л	Wharton E. The pelican [1898] [‘Пеликан’] // Wharton E. Collected stories 1891–1910. NY, 2001. P. 76–94.	1,02
24	Whart II-3 л	Wharton E. A journey [1899] [‘Поездка’] // Wharton E. Collected stories 1891–1910. NY, 2001. P. 65–75.	0,59

Примечание. Римская цифра соответствует хронологии публикации рассказа (из рассмотренных произведений) данного автора, обозначения Iл и 3л указывают на повествование от 1-го или 3-го лица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., исправ. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
2. Падучева Е. В. Семантика нарратива // Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки славянской культуры, 1996. С. 193–404.
3. Тюпа В. И. Нарратив // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / глав. ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Intrada, 2008. С. 134–135.
4. Тюпа В. И. Введение в сравнительную нарратологию: науч.-учеб. пособие для самостоятельной исследовательской работы. М.: Intrada, 2016. 148 с.
5. Лобанова Г. А. Описание как доминанта повествовательной структуры (на материале рассказов И. А. Бунина, Г. Гессе, Б. А. Пильняка и Г. фон Гофманстала): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 26 с.
6. Артёмова Т. В. Нарратив как компонент риторической стратегии обвинительных речей А. Ф. Кони: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 23 с.
7. [Бахтин М. М.], Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. 2-е изд. Л.: Прибой, 1930. 157 с.
8. Фрейденберг О. М. Происхождение нарратива // Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. С. 206–229.
9. Атарова К. Н., Лесский Г. А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1976. Т. 35, № 4. С. 343–356.

10. Математический энциклопедический словарь / гл. ред. Ю. В. Прохоров. М.: Сов. энцикл., 1988. 847 с.

11. Носенко И. А. Начала статистики для лингвистов: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1981. 157 с.

12. Мечковская Н. Б. Речевое общение в жизни, в романе и драме: коммуникативные инварианты и семиотические метаморфозы (на материале романов и пьес Михаила Булгакова) // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2010. С. 252–277.

REFERENCES

1. Schmid V. *Narratologia* [Narratology]. 2nd ed. Moscow, Yazyki slavyanskou kul'tury Publ., 2008. 304 p.

2. Paducheva E. V. Semantika narrativa [The semantics of narrative]. *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [The semantic studies (The semantics of tense and aspect in Russian; The semantics of narrative)]. Moscow, Yazyki slavyanskou kul'tury Publ., 1996, oo. 193–404.

3. Турапа В. И. Narrativ [Narrative] In: *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatij* [Poetics: dictionary of actual terms and concepts]. Moscow, Intrada Publ., 2008, pp. 134–135.

4. Турапа В. И. *Vvedenie v sravnitel'nyu narratologiyu* [The introduction to the comparative narratology]. Moscow, Intrada Publ., 2016. 148 p.

5. Lobanova G. A. Opisanie kak dominant povestvovatel'noj struktury [Description as a dominant of narrative structure]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2010. 26 p.

6. Artemova T. V. Narrativ kak component ritoricheskoy strategii obvinitel'nykh rechej A. F. Koni [Narrative as a component of rhetorical strategy of A.F. Koni's indictment speeches]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kemerovo, 2008. 23 p.

7. [Bakhtin M.M.], Voloshinov V. N. *Marxism i filosofiya yazyka. Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke* [Marxism and the Philosophy of Language. Basic problems of the sociological method in the science of language]. Leningrad, Priboy Publ., 1930. 157 p.

8. Freidenberg O. M. Proiskhozhdenie narratsii [The origin of narration] In: *Mif i literatura drevnosti* [Myth and ancient literature]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 206–229.

9. Atarova K. N., Lesskis G. A. Semantika i struktura povestvovaniya ot pervogo litsa v khudozhestvennoj proze [The semantics and the structure of 1-person narrative in the artistic prose]. *Izv. AN SSSR. Ser. literaturny i yazyka* [Izv. Acad. of Sci. of the USSR. Ser. Literature and language], 1976, vol. 35, no. 4, pp. 343–356.

10. *Matematicheskij entsiklopedicheskij slovar'* [Mathematical encyclopaedia]. Moscow, Sov. ehtsiklopedya Publ., 1988. 847 p.

11. Носенко И. А. *Nachala statistiki dlya lingvistov* [The principles of statistics for linguists]. Moscow, Vyssh. sch. Publ., 1981. 157 p.

12. Mechkovskaya N. B. Rechevoe obshchenie v zhizni, v romane i drame: kommunikativnye invarianty i semioticheskie metamorfozy (na materiale romanov i p'es Mikhaila Bulgakova) [Speech intercourse in life, in novel and in drama: communicative invariants and semeiotic metamorphoses (based on the material of M. Bulgakov's novels and plays)]. In: *Logicheskij analiz yazyka. Mono-, dia-, polilog v raznykh yazykakh i kul'turakh* [Logical analysis of the language. Mono-, dia-, polylogue in different languages and cultures. Ed. by N. D. Arutyunova]. Moscow, Indrik Publ., 2010, pp. 252–277.

Приложение

А) русские и американские рассказы

Таблица А-1 / Table A-1

Различия между русскими и американскими рассказами по объему коммуникативного компонента
The differences between Russian and American stories by the volume of the communicative component

Ранг рассказа по уменьшению % коммуникации	Русские		Американские		Статистич. значимость различий	Ранги пар рассказов по уменьшению релевантности различий	
	Рассказ	% коммуникации	Рассказ	% коммуникации			
1	2	3	4	5	6	7	
I	Вер II-3 л	70,5	Lond I-3 л	39,5	21,84	I	
II	Пьец IV-3 л	44,9	Whart I-1 л	38,2	4,73	Различия малы	
III	Пьец I-1 л	44,3	Lip I-1 л	36,5	5,51	II	
IV	Ток II-1 л	31,7	Lond II-3 л	33,3	1,13	Различия малы	
V	Вер I-1 л	29,5	Lip II-3 л	32,5	2,12		
VI	Купр III-3 л	27,8	Lah I-3 л	26,3	1,06		
VII	Купр I-1 л	27,7	Lond IV-1 л	25	1,91		
VIII	Купр II-3 л	21,3	Lah II-3 л	20,6	0,5		
IX	Пьец III-3 л	14,6	Lond III-1 л	15,7	0,78		
X	Пьец II-3 л	12,5	Whart II-3 л	13,6	0,78		
XI	Ток III-3 л	9,7	Lah III-1 л	13	2,33		
XII	Ток I-1 л	9,2	Lond V-1 л	11,1	1,34		
Среднеарифметическое		28,6		25,4			
Суммарный уровень значимости					44,03		

Таблица А-2 / Table А-2

Различия русскими и американскими рассказами по объему прямой речи
The differences between Russian and American stories by the volume of the direct speech

Ранг рассказа по уменьшению % прямой речи	Русские		Американские		Статистич. значимость различий	Ранги пар рассказов по уменьшению релевантности различий
	Рассказ	% прямой речи	Рассказ	% прямой речи		
1	2	3	4	5	6	7
I	Вер II-3 л	99,8	Lond II-3 л	95,2	3,25	Различия малы
II	Вер I-1 л	99,6	Lip II-3 л	92	5,37	X
III	Пьец IV-3 л	99	Lip I-1 л	88,9	7,14	V
IV	Пьец I-1 л	96,6	Lond I-3 л	88,2	5,93	VIII
V	Купр III-3 л	96	Lond IV-1 л	84,6	8,06	III
VI	Пьец III-3 л	83,3	Lond III-1 л	75	5,86	IX
VII	Ток I-1 л	81,8	Lah II-3 л	72,7	6,43	VI
VIII	Пьец II-3 л	80	Lah I-3 л	66,7	9,4	I
IX	Купр II-3 л	76,9	Lond V-1 л	66,7	7,21	IV
X	Купр I-1 л	76,7	Lah III-1 л	64,3	8,76	II
XI	Ток III-3 л	71,4	Whart II-3 л	62,5	6,29	VII
XII	Ток II-1 л	57,7	Whart I-1 л	51,3	4,52	Различия малы
Средне-арифметическое		84,9		75,7		
Суммарный уровень значимости					78,22	

Б) ранние и поздние рассказы

Таблица Б-1 / Table Б-1

Различия между ранними и поздними рассказами по объему коммуникативного компонента
The differences between Russian and American stories by the volume of the communicative component

Ранг по уменьшению % коммуникации	Ранние		Поздние		Статистич. значимость	Ранги пар рассказов по уменьшению релевантности различий
	Рассказ	% коммуникации	Рассказ	% коммуникации		
1	2	3	4	5	6	7
I	Вер II-3 л	70,5	Пьец IV-3 л	44,9	18,03	I
II	Lond I-3 л	39,5	Пьец I-1 л	44,3	3,39	Различия малы
III	Whart I-1 л	38,2	Lip I-1 л	36,5	1,2	
IV	Lond II-3 л	33,3	Lip II-3 л	32,5	0,56	
V	Вер I-1 л	29,5	Ток II-1 л	31,7	1,55	
VI	Купр III-3 л	27,8	Lah I-3 л	26,3	1,06	
VII	Купр I-1 л	27,7	Lah II-3 л	20,6	5,02	IV
VIII	Lond IV-1 л	25	Пьец III-3 л	14,6	7,35	II
IX	Купр II-3 л	21,3	Lah III-1 л	13	5,86	III
X	Lond III-1 л	15,7	Пьец II-3 л	12,5	2,26	Различия малы
XI	Whart II-3 л	13,6	Ток III-3 л	9,7	2,76	
XII	Lond V-1 л	11,1	Ток I-1 л	9,2	1,34	
Средне-арифметическое		29,4		24,7		
Суммарный уровень значимости					50,38	

Таблица Б-2 / Table Б-2

Различия между ранними и поздними рассказами по объему прямой речи
The differences between Russian and American stories by the volume of the direct speech

Ранг по уменьшению % прямой речи	Ранние		Поздние		Статистич. значимость	Ранги пар рассказов по уменьшению релевантности различий
	Рассказ	% прямой речи	Рассказ	% прямой речи		
1	2	3	4	5	6	7
I	Вер II-3 л	99,8	Пьец IV-3 л	99	0,56	Различия малы
II	Вер I-1 л	99,6	Пьец I-1 л	96,6	2,12	
III	Купр III-3 л	96	Lip II-3 л	92	2,82	
IV	Lond II-3 л	95,2	Lip I-1 л	88,9	4,45	
V	Lond I-3 л	88,2	Пьец III-3 л	83,3	3,46	
VI	Lond IV-1 л	84,6	Ток I-1 л	81,8	1,98	
VII	Купр II-3 л	76,9	Пьец II-3 л	80	2,19	
VIII	Купр I-1 л	76,7	Lah II-3 л	72,7	2,82	
IX	Lond III-1 л	75	Ток III-3 л	71,4	2,54	
X	Lond V-1 л	66,7	Lah I-3 л	66,7	0	
XI	Whart II-3 л	62,5	Lah III-1 л	64,3	1,27	
XII	Whart I-1 л	51,3	Ток II-1 л	57,7	4,52	
Средне-арифметическое		81		79,5		
Суммарный уровень значимости					28,73	

В) 1 лф- и 3 лф-рассказы

Таблица В-1 / Table В-1

Различия между 1 лф-рассказами и 3 лф-рассказами по объему коммуникативного компонента
The differences between 1lf-stories and 3lf-stories of the volume of the communicative component

Ранг по уменьшению % коммуникации	1 лф-рассказы		3 лф-рассказы		Статистич. значимость	Ранги пар рассказов по уменьшению релевантности различий	
	Рассказ	% коммуникации	Рассказ	% коммуникации			
1	2	3	4	5	6	7	
I	Пьец I-1 л	44,3	Вер II-3 л	70,5	18,45	I	
II	Whart I-1 л	38,2	Пьец IV-3 л	44,9	4,73	Различия малы	
III	Lip I-1 л	36,5	Lond I-3 л	39,5	2,12		
IV	Ток II-1 л	31,7	Lond II-3 л	33,3	1,13		
V	Вер I-1 л	29,5	Lip II-3 л	32,5	2,12		
VI	Купр I-1 л	27,7	Купр III-3 л	27,8	0,07		
VII	Lond IV-1 л	25	Lah I-3 л	26,3	0,92		
VIII	Lond III-1 л	15,7	Купр II-3 л	21,3	3,95		
IX	Lah III-1 л	13	Lah II-3 л	20,6	5,37		II
X	Lond V-1 л	11,1	Пьец III-3 л	14,6	2,47		Различия малы
XI	Ток I-1 л	9,2	Whart II-3 л	13,6	3,11		То же
XII			Пьец II-3 л	12,5	–	–	
XIII			Ток III-3 л	9,7	–	–	
Средне-арифметическое		25,6		28,2			
Суммарный уровень значимости					44,44		

Таблица В-2 / Table В-2

Различия между 1 лф-рассказами и 3 лф-рассказами по объему прямой речи
The differences between 1lf-stories and 3lf-stories of the volume of the direct speech

Ранг по уменьшению % прямой речи	1 лф-рассказы		3 лф-рассказы		Статистич. значимость	Ранги пар рассказов по уменьшению релевантности различий
	Рассказ	% прямой речи	Рассказ	% прямой речи		
1	2	3	4	5	6	7
I	Вер I-1 л	99,6	Вер II-3 л	99,8	0,14	Различия малы
II	Пьец I-1 л	96,6	Пьец IV-3 л	99	1,69	То же
III	Lip I-1 л	88,9	Купр III-3 л	96	5,02	IX
IV	Lond IV-1 л	84,6	Lond II-3 л	95,2	7,49	VI
V	Ток I-1 л	81,8	Lip II-3 л	92	7,21	VII
VI	Купр I-1 л	76,7	Lond I-3 л	88,2	8,13	V
VII	Lond III-1 л	75	Пьец III-3 л	83,3	5,86	VIII
VIII	Lond V-1 л	66,7	Пьец II-3 л	80	9,4	III
IX	Lah III-1 л	64,3	Купр II-3 л	76,9	8,9	IV
X	Ток II-1 л	57,7	Lah II-3 л	72,7	10,6	II
XI	Whart I-1 л	51,3	Ток III-3 л	71,4	14,21	I
XII			Lah I-3 л	66,7	–	–
XIII			Whart II-3 л	62,5	–	–
Средне-арифметическое		76,7		83,4		
Суммарный уровень значимости					78,65	

Статья поступила в редакцию 15.05.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Мечковская Н. Б., Мерчи А. П. Межличностное общение в русских и американских рассказах, разделенных XX веком: что определяет количественное соотношение наррации и коммуникации, а также прямой и свернутой речи? // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 235–249. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-235-249

For citation

Mechkovskaya N. B., Merchy A. P. Interpersonal Communication in Russian and American Stories, Separated by the XX Century: what Determines Quantitative Ratios of Narration to Communication and Direct to Compressed Speech?. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 235–249. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-235-249.